

Фадеев А.

ИЗВЕРГИ-РАЗРУШИТЕЛИ И ЛЮДИ-СОЗИДАТЕЛИ

От дальних подступов к Москве, где сломлено острие вражеского нашествия, и до самого Калининского фронта, далеко уже продвинувшегося от города Калинина, едешь по коренным, обжитым русским местам, едешь — и не узнаешь родного пейзажа.

То там, то здесь, вместо уютной, облитой морозным солнцем деревни, весело вздымающей к небу столбы кудрявого розового дыма, видишь одни остовы печей да заиндевевшие трубы над снежными полями.

Вот дедовская ветла, как молнией расщепленная снарядом... В развалинах древних церквей и новых фабрик, зияя выбитыми окнами домов, где среди груды кирпича и извести вдруг можно увидеть детскую кроватку с тюфячком, еще хранящим отпечаток детского тела, стоят старинные русские города. Закоптелые стены зданий с провалившимися крышами и полами, оборванные провода, остатки вывесок и дощечек, говорящих о том, что здесь была школа, музей или больница, квадраты белых полей с торчащими из сугробов обугленными запорошенными головнями вместо прежних домиков окраин — так выглядят в значительной своей части города Клин, Калинин, Старица. Вороны кружат и кружат над выжженными селами, над изуродованными городами, не узнавая знакомых мест.

Люди, не испытавшие на себе фашистский гнет, не всегда могут оценить, что это значит, когда колхозники в тылу у немцев справляли 24-ю годовщину Октябрьской революции, в иных местах даже вывешивали красные флаги...

В самых тягчайших условиях, укрывшись в леске, в сараях, наши советские люди читали доклады товарища Сталина и потом передавали из уст в уста правдивое сталинское слово.

Многие и многие колхозные семьи, бежавшие от немцев, возвращаются теперь на родные места.

Враг успел сжечь деревни, расположенные главным образом вдоль шоссе дорог. Колхозники сожженных деревень пользуются гостеприимством соседних сел, роют землянки па пепелищах, приспособливают для временного жилья случайно уцелевшие хозяйственные постройки или восстанавливают полуразрушенные избы там, где это возможно.

Немало тягчайших трудностей придется преодолеть, чтобы восстановить разрушенное. Но в нашем народе — в передовых людях его — живет великая созидательная сила, воспитанная двадцатью четырьмя годами советского строя.

На всю жизнь сохранится в сердце волнующее впечатление от улиц города Калинина, от людей его, от школьников, со счастливыми лицами идущих в советскую школу, точно они впервые идут учиться.

Город в значительной части разрушен, наполовину изранен, но на лицах людей точно запечатлена радость первых дней, когда Красная Армия вернулась в город, и радость звучит в приподнятых голосах людей, сказывается в свободных движениях, в живой готовности рассказать, помочь, объяснить.

На заборах и витринах сохранились трогательные объявления первых дней, когда еще не возобновилась «Пролетарская правда», — эта газета, детище калининских рабочих, снова выходит. Эти объявления на зданиях и витринах можно читать подряд, как поэму восстановления. Они написаны чернилами от руки, их писали советские люди, взявшие на себя инициативу восстановления города. Тацкая фабрика имени Ворошилова просит зарегистрироваться всех рабочих, работниц, мастеров и объявляет о найме рабочей силы. «Отдел здравоохранения возобновил свою работу, нуждается в строительных рабочих, кровельщиках, стекольщиках, мастерах». Школа номер такой-то «просит всех учащихся и преподавателей явиться такого-то числа». «Просят зарегистрироваться профессоров, преподавателей и студентов педагогического института». Десятки и десятки объявлений

учреждений, предприятий, школ, кооперативных артелей. Теперь многие из этих организаций уже работают.

Велики трудности впереди — особенно в деле восстановления предприятий, снабжения города топливом, продовольствием. Но город Калинин, переживший кровавый фашистский плен, уже живет кипучей советской жизнью. От Москвы к Калинин у уже идут поезда, ткацкая фабрика имени Ворошилова скоро начнет работать.

На советский народ выпали испытания, которые под силу только великим народам. Но он вынес и вынесет их, великий, могучий народ ЛЕНИНА. За все разрушения, за кровь, за муки — он взыщет с бандитов и убийц полной мерой. Им еще предстоит испытать до конца переполненную чашу народного мщения. А на месте разрушенных сел и городов народ построит новые.

Комментарии к очерку «ИЗВЕРГИ-РАЗРУШИТЕЛИ И ЛЮДИ-СОЗИДАТЕЛИ»

С первых дней Великой Отечественной войны А. Фадеев — военный корреспондент «Правды» и Совинформбюро. Его статьи и очерки с Западного, Ленинградского и Центрального фронтов печатались в газетах и журналах Москвы и Ленинграда.

В августе 1941 года; вместе с М.А. Шолоховым и Е.П. Петровым, Фадеев выезжал корреспондентом «Правды» на Западный фронт, под Духовщину, в 19-ю армию, которой командовал генерал армии И.С. Конев.

«Наша встреча в эти очень тяжелые дни была, как я считаю, интересной,— рассказывает Маршал Советского Союза И.С. Конев. — Для писателей она явилась полезной тем, что они увидели войну, а для меня тем, что я почувствовал: страна правильно понимает, как нелегко нам приходится, и вот лучшие ее писатели приходят к нам, солдатам, идут на передовую, в боевые порядки. Не скрою, в те дни это было для нас большой моральной поддержкой. Кроме всего прочего, это лишний раз подтверждало, что передовая советская интеллигенция готова до конца разделить участь своего народа и что она верит в окончательную победу» (И.С. Конев, Сорок пятый, Воениздат, М. 1966, стр. 185—186).

В результате этой поездки Фадеевым были написаны очерки «Штурм немецкой обороны» и «Артиллерийская подготовка», опубликованные в газете «Правда» 30 и 31 августа 1941 года. В «Правде» были напечатаны также его очерки «Герои партизанской войны», «Изверги-разрушители и люди-созидатели», «Гвардейцы» и др. В январе 1942 года писатель снова выезжает на фронт, под Ржев. О том, как активно и самоотверженно собирал Фадеев материал для своих корреспонденций, вспоминает Борис Полевой — тогда военный корреспондент «Правды» на Калининском фронте: «...Он заявил, что хочет видеть подлинную войну. Он считает себя не вправе писать с фронта, не увидев все своими глазами. Разубедить его невозможно, да и стыдно как-то разубеждать: а вдруг подумает, что ты трусишь»...